

О.А. Канерва, Й. Виймаранта

Функциональная мотивация знаков препинания со звукоподражательными глагольными междометиями

В статье описан лингвистический эксперимент на основе субститутивного теста, цель которого установить синтаксические функции звукоподражательных глагольных междометий "бац", "плюх" и "звяк" в предложении. Количественный анализ корпусных данных показывает частоту употребления знаков препинания после данных языковых единиц. Функционально-семантический анализ контекстов, отобранных для эксперимента, демонстрирует то, что пунктуация служит маркером синтаксических функций рассматриваемых междометий.

Ключевые слова: звукоподражательные глагольные междометия, пунктуация, синтаксические функции, русский язык, лингвистические методы

Functional motivation of punctuation with onomatopoeic verbal interjections

This article discusses onomatopoeic verbal interjections such as “bac”, “plûh”, and “zvâk”, and the use of punctuation marks with them. The study employs three kinds of research methods to investigate specific functions of verbal interjections in Russian. The results of quantitative corpus analysis of data from the Russian National Corpus demonstrate the frequency of use of punctuation marks after the onomatopoeic verbal interjections under consideration. A linguistic experiment based on an open-ended substitution questionnaire is implemented to investigate the syntagmatic relationship of onomatopoeic verbal interjections to other classes of words. The results of semantic/functional analysis of selected contexts show that the variability of punctuation marks relates to the pragmatic functions of onomatopoeic verbal interjections, and that punctuation serves as a marker of the syntactic functions that these interjections fulfill in a sentence.

Key words: onomatopoeic verbal interjections, punctuation, syntactic functions, Russian, linguistic methods

Введение

До настоящего момента функции звукоподражательных глагольных междометий русского языка (слова типа “бац”, “плюх” и “звяк”, с которыми соотносятся следующие глагольные основы: “бацать/бацнуть”, “плюхать/плюхнуть” и “звякать/звякнуть”) не подвергались подробному анализу на основе корпусных данных или другого обширного языкового материала. Однако эта специфическая группа слов упомянута в Русской грамматике [1], в работах Т.Г.Орлянской [2], Е.В.Середы [3] и С.В.Воронина [4]. Работы, основанные на информации о других языках, описывают частично схожие единицы под названием “имитативы”, “дескриптивные (описательные)” и “звукоподражательные слова”. Например, у М. Фидлер [5] о чешском, Ю.Лескинена [6] — прибалтийско-финских языках, А. Яскеляйнен [7] — финском, Е. Миконе [8] — финском и эстонском, В. Скалички [9] — венгерском. Кроме того, сопоставление некоторых («водных») русских и финских звукоподражаний согласно результатам эксперимента по выявлению ассоциаций на основе просмотра видеоклипов можно найти у Виймаранта и др.[10]. В широкой перспективе учение о звукоподражательных словах связывается с рассмотрением идеофонов [11, 12] и даже с более широким понятием символики звука [13]. Общей для всех этих терминов является идея о том, что даже если основной принцип языка заключается в арбитrarности языкового знака, во всех языках существуют такие элементы, которые не являются произвольными. В них присутствует связь между формальным способом выражения (вербальной оболочкой) и действительностью. В этом случае связь реализуется в фонетическом плане.

Русская грамматика [1] утверждает, что глагольные и звукоподражательные междометия русского языка выступают преимущественно в функции сказуемого. Этим они отличаются от других междометий. Далее (там же) упоминается, что эти междометия используются чаще всего вместо однокоренных глаголов совершенного вида. Тем не менее, результаты корпусных исследований показывают, что данные междометия редко употребляются таким образом, чтоб их замена однокоренными глаголами не искажала смысла предложений [14]. Функция сказуемого не является для них самой частотной [15]. К тому же их отношение к грамматической категории глагольного вида также неоднозначно [14]. Вместе с тем русские глагольные междометия

специфичны именно тем, что они могут применяться как глагольные формы. Это свойство иногда объясняется тем, что исторически они связаны с формами аориста. С точки зрения прагматики употребление именно глагольных и звукоподражательных междометий может быть связано с их функциями в нарративе [16] или способностью выражения эвиденциальности [14].

Мы выбрали для анализа звукоподражательные глагольные междометия “бац”, “плюх” и “звяк”, руководствуясь результатами лингвистических исследований по звукоподражаниям, которые были посвящены связи между фонетическим выражением и семантикой [17], символикой звука (закрытый vs открытый слог) и аспектуальностью [18], звуковым выражением (повторение слогов) и характеристиками дискурса [19], типами гласных и распознаванием частей речи [20]. Именно эти слова одновременно являются и репрезентативными (фонетические характеристики являются сходными с целым рядом других звукоподражательных глагольных междометий), и отличаются друг от друга (различные типы гласных и комбинации согласных звуков в корне слова, более частая повторяемость слогов для “звяк” и подобных ему в сравнении с “бац”). В то же время все три выбранные нами междометия имеют закрытый слог, который расценивался как признак завершенности действия [18].

Таким образом, цель данного исследования — обоснование утверждения, что звукоподражательные глагольные междометия русского языка являются словами особого типа. Наша гипотеза состоит в том, что (а) звукоподражательные глагольные междометия русского языка (на примере “бац”, “плюх”, “звяк”) способны выполнять такие же синтаксические функции в предложении, как и знаменательные части речи; (б) расстановка знаков препинания после анализируемых междометий происходит с учетом этих функций и отражает их.

При проверке гипотезы мы используем комплексную методологию, включающую 1) количественный анализ корпусных данных, 2) лингвистический эксперимент и 3) функционально-семантический анализ контекстов, использованных в эксперименте. В основе количественного анализа корпусных данных лежит частотность употребления знаков препинания после рассматриваемых междометий. Лингвистический эксперимент представляет собой субститутивный тест по подбору эквивалентов замены данных междометий самостоятельными частями речи с целью определения их синтаксических функций и анализа связи между этими функциями и употреблением знаков препинания. Последующий функционально-семантический анализ использованных в эксперименте контекстов применяется для определения роли разноуровневых языковых единиц при передаче экстралингвистической ситуации, парадигмы значений рассматриваемых звукоподражательных глагольных междометий, их функций в предложении и роли пунктуации в выражении синтагматических связей.

Результаты анализа ***Количественный анализ корпусных данных***

В исследовании был использован основной корпус Национального корпуса русского языка (НКРЯ, www.ruscorpora.ru). Корпус представлен письменными текстами различных жанров и стилей в пропорции, отражающей современный русский литературный язык. На момент проведения исследования (февраль 2016 года) основной корпус Национального корпуса русского языка содержал 335 076 текстов общим объемом 364 881 378 словоупотреблений. Основным корпусом был выбран из многих корпусов НКРЯ, потому что благодаря его большому объему можно получить информацию даже о таких нечастотных словах, как звукоподражания.

Нами осуществлялся поиск по словам “бац”, “плюх” и “звяк” с грамматической пометкой “междометие”. Поиск по Корпусу выдал 592 описанных контекстов с междометием “бац”, 89 примеров для “плюх”, а также 104 вхождения для “звяк”. Часть полученных контекстов не соответствовала предъявленным к конструкции требованиям и была удалена из совокупности примеров, которые мы использовали в исследовании. Исключенные примеры содержали форму родительного или винительного падежа существительного “плюха”, которая является омоформой со звукоподражательным междометием “плюх”, в нескольких случаях “звяк” выступало существительным, “Плюх” и “Бац” были фамилиями персонажей. Таким образом мы получили выборку из 534 примеров для звукоподражательного междометия “бац”, 54 для “плюх” и 18 для “звяк”. Мы проанализировали употребление знаков препинания после данных междометий. Частотность каждого знака рассчитывается отдельно в процентном соотношении к общему количеству конструкций (см. таблица 1).

Результаты, приведенные в таблице 1, показывают, что после звукоподражательного глагольного междометия “бац” наиболее характерным является употребление восклицательного знака (35,8% к общему количеству конструкций), после “плюх” — отсутствие знаков препинания (31,5%) и после “звяк” — комбинация знаков препинания (20,4%). Точка и многоточие употребляются реже после “бац”, чем после “плюх” и “звяк”.

Синтаксический анализ выборки, полученной из Национального корпуса, показывает, что контексты со звукоподражательными глагольными междометиями “бац”, “плюх” и “звяк” имеют пунктуационное оформление, свойственное вводным и вставным конструкциям.

Т а б л и ц а 1.

**Знаки препинания сразу после звукоподражательного междометия “бац”, “плюх”, “звяк” в НКРЯ
(по данным поиска в феврале 2016)**

Междометия / знаки препинания	Соотношение отдельно взятых знаков препинания к общему количеству полученных контекстов с междометиями, %		
	"бац"	"плюх"	"звяк"
точка с запятой	0,2	0	0
вопросительный знак	0,2	0	0
двоеточие	2,6	0	5,5
точка / многоточие	4,4	12,9	16,7
запятая	8,4	11,1	11,1
тире	11,2	5,6	0
восклицательный знак	35,8	18,5	22,2
нет знака	19,2	31,5	16,7
комбинация знаков препинания	18	20,4	27,8

К подобным выводам приходит Е.В. Середа [3], утверждая, что в современном русском языке междометия часто употребляются в качестве обособленного компонента, входящего в состав предложения и по функции сближаются с вводными и вставными конструкциями. По мнению А.И.Германовича, “в составе простого предложения интонационно обособленные междометия имеют функцию модального компонента, т.е. употребляются как вводные и вставные компоненты” [21, С. 93]. Статистический анализ частотности знаков препинания сразу после звукоподражательного междометия “бац”, “плюх”, “звяк” (табл.1) показывает, что характерным для них является возникновение делимитативных (связанных с сигнализацией границ предложения) по своей природе знаков препинания (например, точка, вопросительный знак, многоточие или восклицательный знак) не только в конце, но и в середине предложения. Комбинация знаков конца предложения с тире вместе с другими частями речи преобладает в использовании прямой речи, что является характерной чертой пунктуации русского языка. Прямая речь, как известно, не может быть членом предложения, также как и другие вводные и вставные конструкции. В случае звукоподражательных глагольных междометий ситуация обстоит по-другому. Восклицательный знак, точка, многоточие или вопросительный знак в комбинации с тире утрачивает свою делимитативность. В результате этого тире приобретает функцию синтаксического маркера, указывая на частичную субстантивацию междометных предложений. Это свидетельствует об особом характере звукоподражательных глагольных междометий в качестве лингвистических единиц. По своей сущности глагольные междометия в русском языке находятся между междометиями и глаголами [22, С.201-202]. Звукоподражательная составляющая рассматриваемых в статье языковых единиц подразумевает наличие звука и указывает возможное проявление субстантивной функции, что и подтверждается результатами нашего экспериментального исследования. Знаки препинания с индивидуальными вариациями их употребления отражают это. Точно такого же определяющего значения знаки препинания не имеют с другими словами.

Анализ результатов лингвистического эксперимента

В русском языке звукоподражательные глагольные междометия уникальны тем, что они не только могут имитировать звук в силу своей фонетической составляющей, но и способны брать на себя функции самостоятельных частей речи, в том числе становиться членом предложения, пунктуация служит маркером этих функций.

(1) “Дело в том, что любая война — это невероятная скукотень, и вдруг — бац, что-то происходит.” (Михаил Калужский, Юрий Козырев. Правда хорошего снимка // Русский репортер, № 1 (1), 17-24 мая 2007, 2007).

В примере (1) звукоподражательное глагольное междометие "бац" дает характеристику действия, а именно его стремительности или неожиданности. Его можно заменить наречием “неожиданно”.

Так как первая часть нашей гипотезы выдвигает предположение, что звукоподражательные глагольные междометия русского языка способны выполнять такие же синтаксические функции, что и знаменательные части речи, возможность замены анализируемых междометий “бац”, “плюх” и “звяк” существительным, глаголом, наречием или целым высказыванием без значительного искажения смысла предложения способна доказать данное утверждение. Исходя из этого, нами был разработан лингвистический эксперимент на основе теста на замену.

В эксперименте приняли участие 30 русскоязычных испытуемых, в возрасте от семнадцати до пятидесяти трех лет, которые являются носителями языка. Среди них 16 человек в возрасте 17 лет, учащихся в выпускном классе старшей школы; 11 человек в возрасте от 18 до 35 лет, обладающих высшим образованием; 3 человека в возрасте от 36 до 53 лет, как с высшим, так и средним образованием.

Процедура эксперимента. Испытуемым были предложены индивидуальные анкеты для заполнения. Каждый эксперимент продолжался около 20 минут. Стимульный материал субститутивного теста состоял из 30 предложений с использованием всей парадигмы знаков препинания после исследуемых междометий “бац”, “плюх” и “звяк” (восклицательный, вопросительный знак, точка, многоточие, двоеточие, запятая, тире, а также без знаков препинания). Эти 30 предложений составляют иллюстративный материал данной статьи и приведены в ней как примеры.

Испытуемые должны были прочитать предложения и предложить свои варианты замены глагольных междометий в первую очередь знаменательными частями речи либо, в случае возникновения затруднений, целыми высказываниями.

Задание к анкете было сформулировано следующим образом: “Прочитайте внимательно предложения. Замените слова “бац”, “плюх” и “звяк” по контексту существительным (например: звон, выстрел, всплеск и т.д.), глаголом (например: ударил, звенит и т.д.) или наречием (например: вдруг, неожиданно и т.д.). Если, на ваш взгляд, в некоторых случаях заменить одним словом достаточно сложно, предложите подходящее по содержанию словосочетание”. Полученные результаты опроса мы сгруппировали на основе морфологических признаков предложенных эквивалентов. В таблице 2 приводятся результаты теста на замену. Нами был рассчитан коэффициент частотности выбора той или иной части речи для замены глагольных междометий, где 1=100% предпочтительности. Таблица 2 иллюстрирует зависимость между знаками препинания и предпочтительностью определенных частей речи как эквивалентов междометий в рассматриваемых синтаксических позициях.

Т а б л и ц а 2.

Зависимость между коэффициентом предпочтительности замены глагольных междометий глаголами (V), существительными (S) или наречиями (ADV) и знаками препинания³ после этих междометий.

	БАЦ			ЗВЯК			ПЛЮХ		
	V	S	ADV	V	S	ADV	V	S	ADV
нет знаков	0,97	0,03	0	0,93	0,07	0	1	0	0
двоеточие	0,8	0,03	0,17	0,93	0,07	0	-	-	-
запятая	0,13	0,4	0,47	-	-	-	0,45	0,5	0,05
тире	0,19	0,55	0,26	0,07	0,93	0	0,37	0,57	0,06
восклицательный знак	0,16	0,57	0,27	0,07	0,93	0	0,2	0,77	0,03
точка / многоточие	0,17	0,66	0,17	0,23	0,77	0	0,15	0,77	0,08
вопросительный знак	0,1	0,77	0,13	-	-	-	-	-	-

Анализ показал, что глагольное междометие “бац” испытуемые чаще всего заменяли глаголом в предложениях, где функциональная специфика междометий пунктуационно проявлялась в форме двоеточия или при отсутствии знаков препинания; целым высказыванием в случаях, где глагольное междометие бралось в кавычки, существительным в комбинации с делимитативными по своей природе знаками препинания (точка, многоточие, восклицательный знак или вопросительный знак). Тире представляло собой особый случай, так как испытуемые заменяли междометие “бац” существительным (см. примеры 3-4 ниже), глаголом (прим. 7) или наречием (5), что пребывало в прямой зависимости от знаков препинания также перед данным междометием. Употребление запятой, как правило, мотивировано наличием однородных членов предложения, выбор части речи для замены междометий в этой позиции детерминирован их окружением (1, 23, 24).

Та же тенденция прослеживалась в предложении с глагольным междометием “звяк”, хотя показатели субстантивности были значительно выше. Испытуемые описывали ощущения с преобладанием звука (14), (15), (16), (17) предлагая заменить данное междометие словами “звон”, “дребезжание”, “звук упавшего металлического предмета”. При этом ни один из предложенных испытуемыми вариантов замены данного междометия не предусматривал использования наречия, на основе чего можно сделать предварительный вывод об отсутствии способности давать характеристику действию в семантике глагольного междометия “звяк”.

Для глагольного междометия “плюх” предлагались следующие варианты: глагол (отсутствие знаков препинания (22), существительное (точка, многоточие, восклицательный знак (27, 28, 29)) или целое высказывание (чаще всего делимитативные знаки препинания, если междометие было взято в кавычки (30)). Адвербиальность проявлялась в меньшей степени в сравнении с глагольным междометием “бац”.

Функционально-семантический анализ контекстов

В данном разделе мы рассматриваем каждое междометие в отдельности, интерпретируя полученные результаты опроса и корпусное исследование. Для ясности интерпретации необходимо подчеркнуть, что восклицательный знак в большинстве случаев утрачивает свою делимитативную функцию и не выступает эксплицитным признаком количественно-временного предела действия, а главным образом служит проявлением интонационной выразительности, поэтому его присутствие в анализируемых структурах будет рассматриваться только с учетом экспрессивности (примеры 3, 4, 6, 20, 21, 25, 26, 30).

Глагольное междометие “бац” в случае *отсутствия знаков препинания* проявляет предикативность, как в примере (2), где оно употребляется как полноценный предикат с прямым дополнением.

(2) “— Винни, ты живой, Винни, скажи что-нибудь! Тот, приподнявшись, бац Пятачка промеж ушей: — На тебе!” (Коллекция анекдотов: Винни-Пух (1970-200)).

В случае употребления *тире* прослеживается три возможных сюжета. В первом случае, если прослеживается смещение семантического значения в сторону субстантивности, а звукоподражательная природа междометия “бац” проявляется в большей мере, так как можно предположить именно определенный звук битого стекла (3) или выстрела, иногда многократного (4), то перед звукоподражательным междометием употребляется запятая, двоеточие или многоточие:

(3) “Увесистый булыжник из ограждения клумбы в руке. Оглядываюсь по сторонам, БАЦ! — крошево стекла на сиденье и на асфальт.” (Олег Гладов. Любовь стратегического назначения (2000-2003)).

(4) “Но Веселкин уже держал пистолет в руке и нажал на спуск: бац! бац! — две пули в сердце знатоку рукопашного боя.” (Владимир Черкасов. Черный ящик (2000));

Во втором случае, если прослеживается смещение глагольных значений в сторону либо адвербиальности (5), которая выражает неожиданность действия, итог или уточнение, либо субстантивности (6), то междометие отделяется с двух сторон тире:

(5) “А потом, но опять же не вдруг, а через уточнения, дополнения — бац — начиналась съемка.” (Людмила Гурченко. Аплодисменты (1994-2003)).

(6) “— Срывает винтовку с плеча — бац! бац! — добил...” (Сергей Бабаян. Господа офицеры (1994)).

В третьем случае отсутствие знаков препинания перед междометием детерминировано сохранением его предикативности с возможной заменой данного глагольного междометия глаголом в той же форме (используя тот же вид, лицо, время, число и т.д.), что и сказуемое:

(7) “Жду... И вдруг бац — женский голос. От изумления обернулась.” (Эдвард Радзинский. Наш Декамерон (1980-1990)).

Трансформированные предложения (5-7) согласно вариантам, предложенным испытуемыми, например, выглядели следующим образом:

“А потом, но опять же не вдруг, а через уточнения, дополнения наконец/снова/неожиданно начиналась съемка. / — Срывает винтовку с плеча — выстрел/грохот/хлопок — добил... / Жду... И вдруг звучит/слышу/раздается женский голос. От изумления обернулась.”

Следующее после *двоеточия* высказывание служит пояснением к впереди идущему междометию, которое проявляет свою предикативность и может быть заменено глаголом, в том числе глаголами “спросил”, “подумал”, “задался вопросом” в примере (8), согласно вариантам, предложенными испытуемыми:

(8) “Должны считать за счастье!.. А тот дернулся и бац: — Почему же за счастье?” (И. С. Шмелев. Человек из ресторана (1911)).

Точка является делимитативным знаком препинания, выступающим эксплицитным показателем количественно-временного предела действия. В большинстве случаев именно в присутствии точки глагольное междометие “бац” представляется возможным заменить существительным, как, например, в примере (9) словом “удар/грохот”:

(9) “Будильник летит в сторону мусорных баков. Бац. Нет больше будильника.” (Олег Гладов. Любовь стратегического назначения (2000-2003)).

В присутствии таких знаков препинания, как многоточие, восклицательный и вопросительный знак субстантивная функция междометия “бац” преобладает. Для *восклицательного знака* также более характерна большая вариативность значений в сравнении с “плюх” и “звяк”, так как испытуемые предлагали заменить его глаголом или наречием значительно чаще, а также предоставляли такие необычные варианты, как “осенило”, “эврика”:

(10) “В общем, он блажит, а я как обухом по голове. И тут, бац! Дошло до меня!” (Татьяна Соломатина. Акушер-ХА! Байки (2009)).

Многоточие имеет значение недосказанности, что также оставляет пространство для многозначности. Испытуемые заменяли его такими словами, как “боль”, “момент” в примере (11):

(11) “— Да так... этакая воистину царская милость: излюбленный суд бессудной земле, и бац...” (Н. С. Лесков. Божедомы (1868)).

Вопросительный знак выражает сомнение говорящего к происходящему, в комбинации с другими знаками препинания он приобретает дополнительные оттенки значения, о чем свидетельствуют такие варианты замены, как “получите”, “точка” для примера (12):

(12) “Тошнота? Или просто — бац? — и полная тьма!” (В. В. Набоков. Подлец (1927-1929)).

Кавычки обусловлены иконичностью языкового знака, окказионально употребляются для создания определенного стилистического эффекта. В примере (13) междометие “бац” может нести большую семантическую нагрузку, как результат испытуемые предлагали варианты замены, которые описывали возможную ситуацию целиком (например, “сюрприз”, “переломный момент”, “срыв”):

(13) “— Будем ждать, пока у Тяжлова произойдет этот “бац”.” (Н. Леонов, А. Макеев. Гроссмейстер сыска (2003)).

Звукоподражательное междометие “звяк” тяготеет в сторону субстантивности. В большинстве случаев прослеживается доминирование именно звука (звон, лягз) особенно в случае с *тире* (включительно с употреблением в позиции перед “звяк”), при этом междометие выполняет функцию либо подлежащего, либо прямого дополнения и является значимым членом предложения:

(14) “В собственной хибаре на Раевского он различал каждый шорох, бряк-звяк — это у соседей, это вентиль булькнул, это лифт, это телефон, а это — в дверь.” (Андрей Измайлов. Трюкач (2001)).

Точка, восклицательный знак (отображает силу звука), *многоточие* (подчеркивает замирание, растворение звука) выступают делимитативными знаками препинания, разделяющими отдельные синтагмы или целые предложения (15, 16, 17). Именно в присутствии этих знаков препинания субстантивная функция доминирует.

(15) “Что это? Звяк... звяк... звяк... звяк... звяк... Он сел на кровати, с силой потер лицо, медленно приходя в себя.” (Дина Рубина. Белая голубка Кордовы (2008-2009)).

(16) “— и прыгает вниз, пересчитывая каждую из стеклянных полок — звяк! звяк! звяк! Он открыл глаза... Легкое колыхание ангельски-белого крыла на широком окне, белые ризы мадонны, паломанка...” (Дина Рубина. Белая голубка Кордовы (2008-2009)).

(17) Потом он аккуратно кладет ложечку на блюдец — звяк. [Грэй Ф. Грин. Кетополис -- Киты и броненосцы (2001)]

Знаки препинания отсутствуют, если междометие “звяк” выполняет предикативную функцию:

(18) “Влетела — птицей с морозного воздуха, впусив за собою запах зимы, лисий хвост волос разметался по воротнику дорогой шубы, черные глаза под черными дугами бровей сверкают, как о том в жестоких романах поется надтреснутым голосом (а монетки-то звяк, звяк, звяк в драную шапку: благослови вас боги, господи милостивые!).” (Елена Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона/ Прах (1997)).

Та же ситуация прослеживается с *двоеточием*:

(19) “Я хотел бы отдохнуть, Полежать или чихнуть, Но пружинки — звяк да звяк: “Ох, не любим мы зевак!” (Валентин Постников. Приключения Карандаша и Самоделкина (1992)), — двоеточие употребляется перед прямой речью по стандартным правилам синтаксиса, междометие “звяк” можно заменить на “(пружинки) издают звон/пропели/позвякивают”.

Кавычки обусловлены иконичностью конструкции с междометием “звяк”. Часть предложения после *тире* дает описание всей языковой ситуации:

(20) “Это я уже слышал в Берлине. “Звяк!” — упал мне под ноги брошенный сверху каким-то ребенком колокольчик.” (Валерий Панюшкин. Ветер с Востока (1997) // Столица, 1997.02.17).

(21) “Маленький поднялся, застыдил и бросил в шляпу монетку. “Звяк!” — прозвенела монетка, да уже не так, как бескорыстный колокольчик в Амстердаме.” (Валерий Панюшкин. Ветер с Востока (1997) // Столица, 1997.02.17).

Само же междометие “звяк” в примере (20) испытуемые предлагали заменить такими выражениями, как “послышался звук упавшего небольшого металлического предмета/звон/раздался веселый звон/лови!”, а в примере (21) вариантами типа “раздался плоский глухой звон/не поймаешь”.

Звукоподражательное глагольное междометие “плюх” даже при условии полного проявления предикативности всегда сопровождается звуковыми ощущениями всплеска. Примечательным является употребление восклицательного знака, который обусловлен силой звукового эффекта, отображаемого междометием “плюх”.

Отсутствие знаков препинания почти всегда мотивировано предикативностью глагольного междометия “плюх”. Оно, как правило, заменяется глаголом в функции сказуемого:

(22) “А он умылся — и плюх на диван.” (Т. В. Хоботов. Основы построения алгоритмов. Глава 7. Ма-аленький такой барабанчик // Трамвай, 1991).

Заятая мотивирована итеративным (требующим повторения) характером языкового знака, который отделяет повторяющиеся однородные члены предложения. Междометие “плюх” в примере (23) проявляет предикативность, указывая на возможность своей замены глаголом в функции однородного сказуемого к следующему за ним глаголу, а в примере (24) ярко выражена субстантивность, что детерминировано окружающими его существительными:

(23) “Как стянул ее дед по лесенке на дебаркадер, тут же на бок — плюх, завалилась, подергалась четырьмя, поикала немного — и кранты ей завинтились.” (Александр Иличевский. Бутылка (2005) // Зарубежные записки, 2008).

(24) “Море, водичка, плюх, плях, рыбки, чайки, р-русалочки.” (Юрий Дружков (Постников). Волшебная школа (1984)).

Употребление *тире* обусловлено проявлением субстантивности, междометие выполняет функцию подлежащего:

(25) “— раздалось со всех сторон. Плюх! — раздалось совсем близко впереди.” (В. В. Бианки. Лесные были и небылицы (1923-1958)).

Тем не менее, полная редукция глагольных значений и приобретение субстантивности встречаются значительно реже, чем в аналогичных синтаксических позициях с “бац” и “звяк”. В примере (26) звукоподражательное глагольное междометие “плюх” внутри синтагмы не только описывает звук всплеска воды, но и выражает действие.

(26) “И только было покотился по дорожке, — лиса его тихонечко, одними коготками, толк в канаву! Колобок — плюх! — в воду”. (В. В. Бианки. Лесные были и небылицы (1923-1958))

В конце предложения в присутствии таких знаков препинания, как *точка* (27), *многоточие* (28) или *восклицательный знак* (29) за междометием “плюх” ощущается звук (“всплеск”, “бульканье”, “удар об воду”), отчетливо проявляется его звукоподражательная природа и происходит смещение в сторону субстантивности:

(27) “Я просунул между прутьями булыжник и отпустил его в свободный полет. Раз... два... три... плюх. Метров сорок — и вода.” (Андрей Лазарчук. Все, способные держать оружие... (1995)).

(28) “Вдруг: ...плюх... Будто бросили бревно в реку.” (С.И. Гусев-Оренбургский. Багровая книга. Погромы 1919-20 гг. на Украине (1922)).

(29) “Вахмурка вскочил, но опять поскользнулся и грохнулся на голубой лед. Плюх! Трах!” (Валентин Постников. Приключения Вахмурки и Мухмурки (1997)).

Как и в случае с другими междометиями, *кавычки* мотивированы иконичностью языкового знака:

(30) “Пруте было очень весело. Он подпрыгивал: “Плюх! Плюх! Плях!” Рядом бежал Веня Кашкин.” (Юрий Дружков (Постников). Приключения Карандаша и Самоделкина (1964)).

Трансформированное предложение выглядело следующим образом:

“Пруте было очень весело. Он подпрыгивал: “Всплеск/брызги летели в разные стороны/не догонишь!” Рядом бежал Веня Кашкин.”

Неясной остается разница между наличием или отсутствием кавычек, выбор многоточия вместо точки или восклицательного знака. Языковые ситуации не соотносятся со смысловой нагрузкой знаков препинания для выражения интенсивности звука. Падение бревна в воду явно громче, чем падение человека на лед или звук от прыжков по лужам.

Итак, знаки препинания могут в значительной мере зависеть от того, интерпретируется ли междометие как 1) имеющее то же значение, что и однокоренной глагол; 2) другое действие, прямо или метафорически связанное с происхождением сходного звука; 3) слово, которое функционально сближаются с существительным, обозначающим подобный звук. Возможное употребление звукоподражательных междометий вместо существительных и в позициях, в которых различие между этими категориями колеблется, обусловлена тем, что эти междометия по форме похожи на существительные мужского рода. Некоторые из них и зафиксированы в словарях в качестве и междометий, и существительных. Несклоняемость междометий предоставляет говорящим также возможность использовать их намеренно как многозначные формы.

Выводы

Результаты анализа показали, что если рассматриваемые междометия выступают в форме сказуемого, они, как правило, пунктуационно не отделяются от остальной части предложения. В то же время, в случае проявления субстантивности междометие всегда пунктуационно обособлено, даже если оно вступает в роли подлежащего, т.е. главные члены предложения не опущены, и по правилам пунктуации знаки препинания могут отсутствовать.

Отдельно от контекста звукоподражательные глагольные междометия несут семантическую нагрузку, которая эквивалентна звукоподражательным глаголам совершенного или несовершенного вида, либо существительными, выступающими референтами ситуации, описываемой звукоподражанием. Хотя междометия являются неизменяемыми словами, форма которых не отражает ни синтаксическую позицию, ни действительных отношений, результаты нашего исследования показали, что они способны выполнять функции сказуемого, подлежащего, прямого дополнения, обстоятельства, нести смысловую нагрузку целой синтагмы. Пунктуация выступает проявлением вышеперечисленных синтаксических функций, расстановка знаков препинания после анализируемых междометий происходит с учетом этих функций и отражает их.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Все примеры взяты из Национального корпуса русского языка и были использованы в субститутивном тесте.
2. Под “другими частями речи” подразумеваются имя существительное, имя прилагательное, числительное, глагол, наречие, предлог, союз, частица, местоимение.
3. Под “...” подразумевается отсутствие данных знаков препинания после исследуемых звукоподражательных глагольных междометий в выборке из Национального корпуса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская грамматика. М. : Институт русского языка РАН, 1980. 783 с.
 2. Орлянская Т. Г. Звукоподражание и звуковой символизм (на материале японского, русского и английского языков). Лингвистика и межкультурная коммуникация // Вестник Московского университета, 2006. Серия 19: 07/2006. № 3. С. 83-99.
 3. Середа Е. В. Морфология современного русского языка. Место междометий в системе частей речи: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2005.
 4. Воронин С. В. Основы фоносемантики: монография. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1982.
 5. Fidler M. U. Onomatopoeia in Czech: a conceptualization of sound and its connections to grammar and discourse. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2014.
 6. Leskinen J. (ed.) Itämerensuomalaista ekspressiivisanaston tutkimusta. Jyväskylä: Jyväskylän yliopisto, 2001.
 7. Jääskeläinen A. Todisteena äänen kuva. Suomen kielen imitatiivikonstruktiot. Helsinki: Unigrafia, 2013.
 8. Mikone E. Deskriptiiviset sanat. Määritelmät, muoto ja merkitys. SKS: Helsinki, 2002.
 9. Скаличка В. Исследование венгерских звукоподражательных выражений // Пражский лингвистический кружок: сборник статей / пер. с чешского Г.Я. Романовой. М: Прогресс, 1967.
 10. Виймаранта Й., Александрова А.А., Богомолов А.С., Пасмор Е.С. и Л. Тикканен. “Водные” звукоподражания в финском и русском языках // Язык и культура, 2016. № 1 (33). С. 6–24.
 11. Voeltz E.F.K., Kilian-Hatz C. (ed.) Ideophones. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2001.
 12. Katsuki-Pestemer N. An Introduction to Japanese Ideophones. Muenchen: Lincom, 2014.
 13. Hinton L., Nichols J., Ohala J. J. Sound Symbolism. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
 14. Viimaranta J. Verbal aspect in onomatopoeic interjections in Russian // Paper presented on 13.12.2015 at Slavic Cognitive Linguistics Conference. Oxford, 2015.
 15. Nikitina T. Russian verboids: A case study in expressive vocabulary / Linguistics, 2012. Vol. 50. No 2. P. 165-189.
 16. Кор Шайн И. “Плюх! - плюх - плюхнуть(ся). К вопросу об эволюции нарративных предикатов в свете корпусных данных // Инструментарий русистики: корпусные подходы, А. Mustajoki, M.V. Korotev, L.A. Birjulin, E.Ju. Protasova, eds. Helsinki: Department of Slavonic and Baltic Languages and Literatures, 2008. P. 152-162.
 17. Bolinger D. Rime, assonance and morpheme analysis, 1950. Word 6: 113-136.
 18. Nuckolls J. B. The case for sound symbolism // Annual review of anthropology: 28, 1999. P. 225-252.
 19. Jakobson R. Closing statement: Linguistics and poetics // Style in language / ed. by T. Sebeok. New York: Wiley, 1960. P. 350-377.
 20. Sereno J. A. Phonosyntactics // Sound Symbolism / ed. by Hinton L., Nichols J. Ohala J. J. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 263-265.
 21. Германович А.И. Междометия русского языка: пособие для учителя. Киев: Радянська школа, 1966.
 22. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык: Учебник / под редакцией Н.С. Валгиной 6-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2002.
- https://www.myfilology.ru/media/tutor/Sovremenny_russkiy_yazyk_Rozental_i_Valgina.pdf

Functional motivation of punctuation with onomatopoeic verbal interjections

Oksana Kanerva, University of Turku (Finland). E-mail: oksana.kanerva@utu.fi

Johanna Viimaranta, University of Turku (Finland). E-mail: johanna.viimaranta@utu.fi

Key words: onomatopoeic verbal interjections; punctuation; syntactic functions; Russian; linguistic methods.

The title of this article is “Functional motivation of punctuation with onomatopoeic verbal interjections”. Russian onomatopoeic interjections and their grammatical functioning have not yet been described on the basis of large empirical materials or experimental methods and the peculiarities in the use of punctuation with them has not been studied at all. The article presents findings of a linguistic substitution test of onomatopoeic verbal interjections with verbs, nouns, adverbs or syntactic clauses depending on the context of the sentences, which are offered as stimulus material. The result of the experiment makes it possible to demonstrate correlation between syntactic functions of verbal onomatopoeic interjections and the punctuation marks used with them.

The significance of the article lies in a systematic attempt to find principles of punctuation usage in connection with onomatopoeic verbal interjections. The Russian interjections “bac”, “plûh”, and “zvâk” are used as examples. The research aims to identify the syntactic functions of these linguistic signs and to determine how the use of punctuation marks correlates with these functions.

The methodological framework consists of three kinds of research methods. The first of these is quantitative corpus analysis of data from the Russian National Corpus, which demonstrates the frequency of punctuation marks in connection with the onomatopoeic verbal interjections under consideration. The second method involves a linguistic experiment based on an open-ended substitution questionnaire. There were 30 respondents, all of whom were native speakers of Russian, divided into three groups of ten. The stimulus material consisted of 30 sentences taken from the National Corpus. These sentences are used as illustrative material for the article. The aim of the substitution test was to investigate the syntagmatic relationship of “bac”, “plûh”, and “zvâk” to other classes of words, as well as the syntactic functions of these onomatopoeic verbal interjections in a sentence. Our third research method involved semantic/functional analysis of selected contexts with the aim of establishing correlations between the functions of these linguistic units and the use of punctuation.

The research results show that verbal onomatopoeic interjections are able to fulfil the syntactic functions of predicate, subject, direct object, and adverbial modifier. They may also be semantically equivalent to a complete syntactic unit. Punctuation serves as a marker of these functions.

The article contains 2 tables, 22 reference sources, and 30 illustrative examples from the Russian National Corpus.